

СОВРЕМЕННОЕ ЗВУЧАНИЕ ПРОБЛЕМ СООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО, ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЧАЛ В ТВОРЧЕСТВЕ ПЕТРА САВИЦКОГО

Аннотация

Статья посвящена становящимся в наше время особенно актуальным проблемам евразийства в творчестве одного из самых именитых его представителей Петра Савицкого. Постсоветская реальность наглядно продемонстрировала, что рассматриваемые под своим углом проблемы геополитики глубже их разнообразного идеологического обрамления. Их глубина и актуальность коррелируют с запутанным клубком проблем национальных государств, языков и культур в динамичном и турбулентном современном мире, в силу чего анализ различных граней интеллектуального наследия прошлого в сопоставлении с сегодняшней реальностью представляется особенно востребованным.

Ключевые слова: евразийство, цивилизация, геополитика, культура, искусство, идеологи, надгосударственные структуры.

Автор

Бондаренко Юрий Яковлевич

Кандидат философских наук,
профессор сибирского отделения Славянской Академии
наук, образования, искусств и культуры,
член конгресса религиоведов Республики Казахстан
(Костанай, Казахстан)



Петр Савицкий — один из самых крупных представителей евразийства, тот, кто сумел четко и последовательно изложить собственно философские и историсофские взгляды евразийцев, и хотя он не был в этом отношении единственным, все же не случайно назван «евразийцем номер 1, главным идеологом и вождем всего этого направления» [1, с. 10]. Евразийство же, в свою очередь, на современном этапе развития историко-философской и геополитической мысли оказывается крайне интересным именно в эвристическом плане, плане тех идейных поисков, которые позволяют обнаруживать практически значимую идейную основу в нашем парадоксальном мире, сочетающем удушливую однобокость «глобализации» с расколотостью и фрагментаризацией множества казавшихся незыблемыми связей.

По словам известного современного представителя евразийства А. Дугина, «именно евразийцы первыми обратились к геополитике как к науке, чрезвычайно важной для формирования мировоззрения, политической идеологии и даже культуры» [1, с.9]. Значимость же геополитики и ее теоретического осмысления сегодня широко признаны. Правда, как представляется автору этих строк, такого рода значимость двойка. С одной стороны, это уже упомянутый эвристический фактор, высказанная в Европе Нового времени еще Монтескье идея взаимосвязи географических факторов и социально-политического, государственного устройства различных социумов. В огрубленной формулировке в евразийстве эта идея развита как образ противостояния Суши (таласократии) и Моря (теллуократии), где Суша — Восток, а Море — Запад. При

этом «Запад и Восток рассматриваются не просто как географические понятия, а как цивилизационные блоки» [2, с. 26].

Думается, что такие упрощенные схемы интересны, прежде всего, как полигоны для творческой мысли, но не как буквальные слепки с реальности, ибо они многое упрощают. Так же как, к примеру, многое упрощает и красиво схематизирует философия истории Гегеля.

Однако есть и другая сторона современности евразийства и его особой актуальности — это звучание евразийских идей, размышлений, характеристик в мире, оказавшемся на переломе эпох, в мире, где рухнули СССР и страны «социалистического лагеря», но при этом противостоящий им «капитализм» настолько зашел в тупик, что уже отнюдь не адепты социализма начинают все громче говорить о наступлении посткапиталистической эры. В этих обстоятельствах одним из наиболее драматичных вопросов современности оказывается вопрос о судьбах национальных и полиэтнических государств. Именно он. Так, если сто лет назад, в начале XX века в результате глобальных катаклизмов рухнули четыре империи, то сегодня проблемным оказывается существование государств как таковых, ибо их существование все более и более оказывается зависимым от наднациональных и надгосударственных структур, что особенно наглядно продемонстрировано интернациональностью, а подчас и синхронностью, и аналогичностью, вплоть до пародийности, мер, официально предназначенных для борьбы с пандемией.

Поэтому не удивительно, что размышления о соотношении личностного, идеологического и государственного начал сегодня звучат особенно актуально и обретают не только теоретический, но и практический интерес. Особенный интерес, причем уже на уровне государственном, евразийство

вызвало в «сердце Азии» — Казахстане, поэтому отнюдь не случайно то, что в 2004 г. в Москве вышла работа А. Дугина, названная «Евразийская миссия Назарбаева». Вполне понятно, что сегодня, спустя ряд лет, какие-то оценки тут могут быть пересмотрены. Но сама эта идея не перестает быть актуальной. Равно как не утрачивают своей актуальности и исследования казахстанских ученых, среди которых можно назвать В. Видершпана и Д. Качеева. Последний посвятил свою книгу непосредственно историко-философскому анализу именно евразийской теории государства [3].

Итак, евразийцы, и среди них П. Савицкий, обратили особое внимание на ту связь географических и политических факторов, которая подмечалась и прежде, но не рассматривалась до них столь масштабно и обстоятельно. Так, заложивший основы геополитической школы П.Н. Савицкий, параллельно с изысканиями «западных ученых подчеркивал органическую связь «между землей и государством», что, по мысли Д. Качеева «говорит о целостности научного знания в мире» [3, с. 82]. И хотя сама эта «целостность» нуждается в углубленном анализе, взаимосвязь тех или иных идей, а в их числе и идей, развивающихся в разных социально-философских течениях, заслуживает самого серьезного рассмотрения.

Очень важно и то, что евразийцы, включая и Петра Савицкого, жили, мыслили и действовали в турбулентном, взрывающемся мире, который в этом смысле очень напоминал наш современный мир. Таким образом, сама реальность не позволяла евразийцам превращаться в сугубо кабинетных ученых, чьи постулаты были бы догматически четко очерчены. Хорошо известно, что П. Савицкий был принципиальным критиком коммунизма, но формулируя четкие положения своего учения он при всем этом не был антикоммунистом плоским и безоговорочным. В коммунизме теоретическом П. Савицкий

не принимал то, что являлось, на его взгляд, абстрактным, оторванным от жизни. Но он тонко отделял такой абстрактный, рожденный «западом» коммунизм от коммунизма большевиков. Казалось бы, парадокс, а то и искусная игра словами. Однако нет. Логика Савицкого прозрачна.

Оказавшись вовлеченным в неустойчивый, ломающийся и одновременно строящийся по-новому мир, Савицкий восклицает об опасности и пагубности доктринерства. В какие бы одежды оно не облачалось, будь то доктринерство Реставрации, обреченной на «задыхание в разреженном воздухе своих абстракций», либо уже упомянутый им «коммунизм» [4, с. 15].

В опыте систематического изложения евразийства он подчеркивает, что «вред абстрактных доктрин... очевиден для всех живущих в России» и «осязательн» [4, с. 16].

Проследим же за ходом его мысли. «Коммунистическая идеология, — пишет он, — ... второй пример опасностей, связанных с абстрактной идеологией. Идеология коммунизма представляет собой попытку предвидеть будущее, которое никому неизвестно и менее всего предвидится коммунистами». На основании своей «безжизненно-схематичной» картины будущего «коммунисты начертывают мнимые законы развития». В силу своих особенностей они становятся «вредными идеологами, потому что их идеология и ненаучна, являясь полуграмотным толкованием плохо понятой гегелевской философии, и ошибочна, потому что она абстрактна, т.е. лежит вне связи с конкретной действительностью».

Казалось бы, все понятно. Но не тут-то было. Не станем, как это часто бывает, вырывать цитату из контекста, а продолжим следить за мыслью автора. «Однако, — продолжает он, — коммунистов как вредных доктринеров надо отличать от большевиков, проводя эту разграничительную линию внутри

всякого индивидуума. Большевизм как таковой (максимализм) есть абсолютность заданий. ...Он психологически связан с верой в полную и близкую осуществимость этих заданий, и в этом его порок. Но он не связан с какой-либо определенной идеологией и не исключает того, что большевик учится у жизни и научается сообразовывать с ней свою деятельность (вспомним хотя бы связываемый с именем Ленина НЭП. — Ю.Б.). Он может под влиянием опыта даже преодолевать указанный свой порок. Вот почему большевико-коммунисты, несмотря на всю ложность и абстрактность своей теории, не остались нечувствительными к потребностям русской действительности. Они вынуждены были делать то, что их идеологии противоречило и отказываться от того, что их идеологией требовалось. ...Более того, русский народ заставил большевиков-коммунистов помимо их воли и сознания осуществлять многое для его будущего чрезвычайно важное» [4, с. 15–16].

Более того, продолжая свои размышления в письме к Струве от 5 ноября 1921 г. «Еще о национал-большевизме», Савицкий подчеркивает, что вопреки всем слабостям большевизма он лично склонен «связывать будущее России с Советской властью» [4, с. 272]. «Представим, — резонно спрашивает Савицкий, — что большевиков можно свалить. Кто же их заменит?» И оказывается, что заменить-то некому. «Политическая годность большевиков резко контрастирует с негодностью их соперников», «большевики к настоящему моменту, в середине 1921 года, действительно собрали Россию». «Невоссоединим» осталось не более одной десятой территории и одной пятой населения прежней империи, и при этом даже неудача с Польшей — лишь «временный эпизод». При устранении же большевиков «существование Единой России отнюдь не представляется обеспеченным» [4, с. 273–274].

Обратите внимание: мы с вами начали наш разговор не с напоминания азов евразийства, которые неоднократно излагались в печати, а с более частного вопроса. Но в контексте размышлений о современном звучании идей П. Савицкого, такой «частный» вопрос превращается в показательный, причем оказывающийся в эпицентре сугубо современных эτικο-политических споров.

И если воспринимать философию как школу мысли, то Савицкий являет нам наглядный и поучительный образец такой школы. Во-первых, его рассуждения — пример живой диалектики, неразрывно связанной с реалистическим взглядом на реальность. Критически относясь к идеям коммунизма (насколько эта критичность безоговорочно справедлива — особый вопрос), он тем не менее умеет воздать должное и своим идеологическим и политическим противникам. Правда современному читателю может резать слух словосочетание «национал-большевизм» слишком уж созвучное с «национал-социализмом», вскоре появляющемся на сцене истории Третьего Рейха. Однако созвучие еще не означает тождества сущности. Так называемый национал-большевизм в корне отличен от национал-социализма уже тем, что здесь «национал» означает опору на страну, а не на расу и определенный этнос. Да и сама русскость не понималась евразийцами как феномен узкославянский.

Но двинемся дальше. Во-вторых, ход мысли Савицкого очень показателен и с методологической точки зрения. Савицкий четко разделяет общее и частное. Не приемля доктринерства, он при этом не считает уместным отказ от собственно идеологии. Казалось бы, банальность. Но такая ли уж банальность, если с развалом Советского Союза стали раздаваться громкие крики об идеологизации. Налицо внедряющаяся в умы и практику повседневной жизни подмена понятий и перенос характеристик чего-то частного на нечто более общее, как если бы утверждая,

что баобаб или сосна — это дерево, мы стали бы особенности сосны или баобаба приписывать деревьям как таковым. Любопытно, что такая подмена, осуществляясь в годы перестройки, нередко встречается и сегодня. Например, в 1939 г. в журнале «Философские науки» развернулась живая дискуссия о том, является ли наукой философия. Вполне понятно, что суждения здесь могут быть разные. Но забавность дискуссии была в том, что многие ее участники соскользнули с общего на частное и стали обсуждать «марксистскую» философию. Савицкий же здесь показателен тем, что он дает определенные модели школы мысли в действии, такие модели, которые поучительны, независимо от эτικο-политических пристрастий и конкретного предмета исследования или обсуждения.

Что же касается собственно идеологии как феномена, Петр Николаевич, в отличие от мудрил конца двадцатого века, ясно понимал ее значимость, не отменяемую теми или иными уязвимыми местами тех или иных, подчас альтернативных, разновидностей идеологии. Мало того, он был убежден, что действенная и при этом разумная идеология совершенно необходима: «для того, чтобы обезвредить абстрактные и ложные идеологии и вместе с тем не отнять у конкретной деятельности одушевляющего ее пафоса, необходимо противопоставить им идеологию истинную — не абстрактную, а с конкретной жизнью органически связанную, не ложную и гадательную, а несомненно истинную» [4, с. 17].

О том, что такое «несомненно истинная идеология» можно спорить, но методологически и практически значимо то, что Савицкий здесь стремится четко уяснить и для себя, и для читателя, что же такое идеология. Именно с этого, по его убеждению, и следует начать, говоря об идеологии.

По его мысли, «идеология» может быть определена как органическая система идей. Этим уже сказано, что

она — не простая совокупность их и не внешнее их соположение. Она именно органическое единство идей. В своем существе и идеале она подобна развивающемуся из семени растению и является внутренним самораскрытием одной основной идеи. Говорим «самораскрытием» — ибо идея не вне людей, как внешний закон или некая внешняя необходимость, но в самих раскрывающих ее свободно людях и сами эти люди. Каждый из людей, исходя из своих особенностей, своей индивидуальности, будет раскрывать эту идеологию по-своему. Если и возникнут противоречия, то при опоре на истину они окажутся временными. А что такое «истинная идеология»? Это «вовсе не универсальная отвлеченная система и не может быть выражена одной формулой. Она живой организм, в котором существует всякий орган. Она не отвлеченно универсальна, а симфонична, или соборна. Согласно и объединяя многие свои выражения». Истинная идеология направлена на достижение предельной конкретности именно в индивидуумах. Она живая, духовная. Поэтому-то и невыразима до конца в определенных формулах. Здесь «отвлеченная формулировка играет служебную роль; и признание любой данной формулировки идеологии за полное ее выражение означает смерть ее, означает, что она на место истины прокралась ложью. Однако сознание того, что всякая формулировка относительна, не означает релятивизма. Ибо всякой формулировке дается и само существо» [4, с. 17–18].

Опять-таки перед нами диалектика — диалектическое понимание идеологии как живого процесса, точнее даже множества взаимосвязанных живых процессов.

Сегодня было бы небезынтересно сопоставить эту характеристику идеологии с выкристаллизованной советско-марксистской, наглядный пример которой дает пятитомная советская «Философская энциклопедия»,

где сказано, что само слово восходит к двум греческим, означающим идею, образ, понятие и учение и обозначает «совокупность идей и взглядов, отражающих в теоретической более или менее систематизированной форме отношения людей к окружающей действительности и друг другу и служат закреплению или изменению развития общественных отношений. В классовом обществе идеология всегда носит классовый характер» [5, т. 2, с. 229]. В одном более кратком и относительно позднем определении идеологии сказано, что это «система идей, взглядов, нравственных, религиозных, эстетических, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности, выражаются интересы социальных групп» [6, с. 162].

Как видим, здесь многое совпадает. Значимые же нюансы связаны с тем, что у Савицкого акценты сделаны на индивидуальном, а в двух других примерах на классовом и групповом. Но обсуждение этих нюансов — вне рамок нашего рассмотрения.

Мы же здесь коснемся лишь того, что у Савицкого оказывается органически связанным с его видением идеологии — с размышлениями о собственно личности, человеке, в котором эта самая идеология, по его убеждению, только и может существовать.

Предваряя размышления Савицкого о личности, уместно дать развернутые представления его о науке и тех проблемах, тупиках, с которыми, по мысли П. Савицкого, столкнулась наука его времени, чтобы нагляднее представить, что именно особенно решительно не принимал П. Савицкий в «науке» и «социализме» его времени. «Конечно, — писал он, — это вздор, будто есть какая-то «буржуазная» наука, которую надо заменить пролетарской, вздор не только потому, что нет ни малейших признаков появления «пролетарской», но и потому, что все выдающее себя за таковую оказывается ничем иным,

как плохо и наивно усвоенными элементами прежней. Но прежняя-то несомненно переживает кризис. Этот кризис начался давно, вместе с упадком философских систем XIX века, с убыванием «души» европейской культуры. Заключается он в исчезновении органически-синтетических идей, в замене органического единства внешним и механическим, что и сказывается, с одной стороны, в скептическом релятивизме и специализации, с другой — в безнадежных попытках объяснить все явления по типу механических связей материального бытия». Поэтому-то «настоятельно необходимо» поставить вопрос, наука ли то, «что выдают, а частью и считают за науку люди, научно не квалифицированные, научных открытий не сделавшие, даже развитию техники не способствовавшие — вроде называющих себя «научными» социалистами, но годных лишь в объекты науки полуинтеллигентов».

Вслед за этим звучит одно из центральных положений цитируемого фрагмента, ключик к отношению Савицкого и к «наивному материализму», и к «научному» социализму своего времени: «Человек, желающий обладать научным мировоззрением, должен относиться к нему научно...»

Вдумайтесь: как это? Иначе говоря, основа научного мировоззрения или того, что таковым именуется — это критическое мышление; и не случайно здесь мы встречаем не критику тех или иных конкретных положений социализма или материализма, а нехватку критического мышления, полуинтеллигентность. Это во-первых. А во-вторых, связанное с нехваткой критичности по отношению к самим себе самоуверенное отношение к науке и культуре предшествующей [4, с. 20]. Иными словами, примитивизированное отношение к опыту предшественников. Явление естественно распространенное в эпоху бурных событий и при мощном подъеме масс.

Здесь уместно вспомнить, что отвергаемый Савицким примитивизм виделся неприемлемым уже и для наиболее видных руководителей раннесоветского государства. Вспомним речь Ленина на Третьем съезде комсомола («Задачи союзов молодежи»), где вождь пролетариата восклицал: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно создать пролетарскую культуру — без такого понимания задач строительства нового не решить. Зубрежка не нужна, но знания «основных фактов» необходимы, ибо коммунизм превратится в пустую вывеску, коммунизм будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания. Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием тех фактов, без которых не может быть современного образованного человека. Если коммунист вздумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печален» [7, т. 3, с. 412].

Обратите внимание, что при всех колоссальных различиях взглядов, и Савицкий, и Ленин оказались среди тех, кто особенно остро почувствовал проблему примитивизации науки, образования, культуры, встающую вновь и вновь в условиях социальных катаклизмов. Проблему, оказавшуюся одной из актуальнейших и для нашего времени. Но сами векторы деятельности, направленной на решение этой проблемы, в двадцатые годы прошлого и двадцатые годы нынешнего века оказались в своем «мейнстриме» противоположными. В раннесоветской России этот вектор был направлен на подъем масс, тогда как в России постперестро-

ечной (и не только в ней) — в обратную сторону, что особенно четко выразил в начале двадцать первого века один из министров российского образования, заявив, что в наше время мы должны растить не человека-творца, а человека-потребителя, способного квалифицированно пользоваться тем, что создано. Конечно, и последнее значимо. Но сама тенденция, особенно с учетом того, что мы видим на практике, удручающая. Поэтому-то так актуально, как это набата вековой давности, и звучит призыв развивать критическое мышление, без которого не может быть ни подлинной науки, ни развитой культуры, ни даже общества, способного к саморазвитию и самосохранению.

Ну а базовой составляющей любого общества является сам человек. Поэтому-то, как уже было отмечено, размышления об идеологии, науке, культуре выводят проблему человека на проблему личности. О личности написаны горы книг и статей, и поэтому здесь не стоит повторять известные либо легко доступные вороха определений. Однако интересно обратить внимания на размышления на эту тему самого Петра Николаевича Савицкого, размышления словно рожденные не сто лет назад, а именно сегодня: «Основному понятию старого мирозерцания — понятию отдельного и замкнутого в себе социального атома — мы противопоставляем понятие личности как живого и органического единства многообразия; понятию механической связи и внешней, отвлеченной системы — понятие органического единства или, вернее и точнее, единства личного. Личность — такое единство множества... что ее единство и множество отдельно друг от друга и вне друг друга не существуют... нет личного сознания и личности вне мышления, хотения и других ее состояний, и нет личного состояния, которое не было бы проявлением самой личности и не связывалось бы со всеми прочими ее состояниями. Она — единство, внутри

которого нет места внешним механическим и причинным связям, понятие которых уместно и удобно лишь в применении к познанию материального бытия» [4, с. 21].

Эти суждения переключаются с парадоксальным сартровским «определим» человека как «дырки в бытии», то есть как о таком феномене, который не исчисляем однозначно. Да и не только сартровским — обширная часть мировой и особенно русской литературы посвящена именно этому.

При этом для Савицкого собственно личность многозначна, и эта многозначность не сводится к упрощенному «атомизму». Он подчеркивает, что евразийцы признают реальной не только индивидуальную личность, но и социальную группу, и такие феномены, которые включают и народ, и культуру, то есть своеобразные «соборные» (заметьте, это значимое для русской культуры слово повторяется вновь) или «симфонические личности». «Симфоническая личность, — пишет он, — не пространство и среда, содержащие в себе, как вода рыб, индивидуальные личности, но сами они в их единстве» [4, с. 21–22].

Показательно, что здесь затронута проблема, которая в так называемой западной мысли приводит нас к парадоксу западной культуры. С одной стороны, для этой культуры свойственен атомизм, восходящий в немалой мере к протестантской идее индивидуального отношения к Богу (хотя и не только к ней). Развернутая в сферах культуры, философии, литературы, искусства и особенно киноиндустрии, эта идея зримо акцентирована на героях и супергероях, чьи поступки детерминированы изнутри, героям, способным действовать вопреки обстоятельствам. А с другой стороны, именно «западная» психологическая и социологическая мысль, начиная с З. Фрейда, Э. Дюркгейма и других, оказалась ориентирована на поиски социальных и социально-психологических истоков индивидуальных

человеческих переживаний, состояний и, соответственно, индивидуального поведения. Представляется, что этот дуализм еще ждет своего дальнейшего философского осмысления. Однако подчеркнем вновь, что для П. Савицкого личность индивидуальная и личность «симфоническая» едины не просто жестко детерминистически, механически, а своей органически взаимосвязанной многозначностью и многозвучностью, жизненным разнообразием.

Однако именно реалии нашей эпохи и те поразительные кульбиты истории, которые еще считанные годы назад едва ли могли предсказать самые отчаянные фантасты (в лучшем случае только намекая на них, как, например, О. Хаксли или И. Ефремов) побуждают нас вернуться к проблеме многозвучности личности. Той самой многозвучности и многоплановости, которая сегодня, по мнению многих исследователей и публицистов, оказывается под угрозой. Вспомним только опубликованные задолго до 2020 г. рассуждения А. Дугина, цитируемые здесь именно как суждения современного евразийца (из интервью 2003 г.).

По мысли А. Дугина, при навязываемом миру том мировом порядке, когда под вывеской глобализма по планете ступает «американизация», «вестернизация» в самых одиозных ее проявлениях, мы видим и ощущаем на себе: «При таком мировом порядке возникает угроза не только национальной культуре, языкам, религиям, этносам. Это — прежде всего — угроза человеку. Человек без качеств — не настоящий человек. Житель будущего американского однополярного мира — это человек без подсознания. Без культуры, без психики. Он не естественный, но искусственный человек» [8, с.99].

События же, сопряженные с «пандемией» и со всем запутанным клубком связанных с ней явлений, включая и то, что происходит в образовании, выдвигают проблему личности на один

из первых планов нашего философского осмысления и переосмысления реальности, осмысления, напрямую связанного с выбором личной позиции в отношении многого из того, во что мы вовлечены.

Проблема же личности оказывается напрямую связанной с проблемами государства и его судьбами в исторической перспективе.

Касаясь этой проблемы, мы с вами в силу ограниченного объема статьи ограничимся лишь тремя существенными аспектами. Первый — это культурологический взгляд на Евразию и, повторимся, на русский народ как на народ евразийский, который по своей сущности является не узкославянским, а евразийским, включающим и тюркские, и иные элементы [4, с. 39], и именно в таком своем качестве оказывается связан с собственно государственностью.

Второй аспект сопряжен с видением специфики роли государства в Евразии, а третий — с отношением к Европе.

Перейдем сразу ко второму и третьему аспектам. По Савицкому, «из всех исторических миров нашей планеты — [мир Евразии] это мир наиболее широкого и наиболее многостороннего участия государства во всех отраслях и во всех проявлениях жизни».

«Говоря евразийским термином, евразийский есть среда наибольшего развития этатизма. Это проходит через всю его историю. Необычная концентрация народных сил под покровом и водительством центральной власти характеризует историю кочевых империй, существовавших на и в том пространстве, которое теперь заселено русским народом. Эта традиция была воспринята Московским государством, в котором все было «государево», от государя исходило и делалось его именем. Огромные элементы централизма имелись и в истории императорской России. Глубоко знаменательна та форма, которую приняла в России «социалистическая революция». Она

свелась к обобщению и обострению традиционно русского централизма и этатизма» [4, с. 103].

Нам совсем не обязательно безоговорочно принимать сказанное. Конечно же, «русская» революция сводилась не только к этому. Но акцентирование внимания на этатистском начале, особенно усилившемся при Сталине, очень важно; и горько, что, начиная с перестройки, в гуле разных голосов голос евразийцев не был вовремя услышан. На огромных пространствах Евразии роль государства обуславливалась самой историей. Другой, отдельный вопрос — это вопрос о характеристиках конкретных государств и их соответствия историческим задачам определенных эпох.

Не абсолютна бесспорна, но эвристически богата и идея евразийцев о Московии, а затем и России как Евразии, границы которой совпадают в целом с границами империи Чингиз-хана. Здесь есть над чем размышлять, с чем соглашаться, над чем полемизировать, что развивать дальше.

И наконец принципиальная и болезненная проблема отношения России, а в современных условиях и Евразии в целом, к Европе. Может ли в частности Россия запросто стать составляющей Европы? И вообще, в каких отношениях она должна быть с Западом, и при каких

условиях эти отношения могут быть плодотворными?

Сколько перестроечных иллюзий разбилось о суматошные устремления скачками сблизиться с Западом. И сколько обратных идеологических клише уже появилось. И как уместно сегодня вновь вчитаться в написанное Петром Савицким десятилетия назад: «Русская революция покончила с Россией как с частью Европы. Она обнаружила природу России как особого исторического мира. Но в настоящее время это не более как намек на задание. Цель евразийцев — реализовать его в действительности».

И вот тут-то мы подступаем к главному, к тому, что должно быть девизом и руководством к действию уже для современных политиков: «Только утвердив себя как духовно и материально самодовлеющий мир, Россия организует наилучшим образом и свои отношения с Европой. Чтобы сблизиться с Европой, нужно стать духовно и материально независимыми от нее» [4, с. 101].

Но эта материальная и духовная независимость не должна стать основой для жесткого противостояния. «Замысел евразийцев заключается в том, чтобы самоутверждение особого мира Россия-Евразия сделалось фактором творческого сближения ее с окружающим миром» [4, с. 100].

Литература

1. Дугин А. О евразийстве // Савицкий Петр. Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997.
2. Дугин А. Философия войны. — М.: Яуза, 2004.
3. Качеев Д.А. Евразийская теории государства (историко-философский анализ). — Констанай, 2014. — 205 с.
4. Савицкий Петр. Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997.
5. Философская энциклопедия. — Т. 2. — М.: Советская энциклопедия, 1962.
6. Хоруженко К.М. Культурология. Краткий энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
7. Ленин В.И. Избранные произведения. — М.: Изд-во политической литературы, 1970. — Т. 3.
8. Ультрамодерн. Эпоха империй, закат государств // Дугин А. Геополитика постмодерна. — СПб.: Амфора, 2007.
9. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. — М.: Аграф, 2000.